

ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА ГРИЧЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка ИФЖиМКК, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

rgrichenko@yandex.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ЛИЦА В ПОСЛОВИЧНЫХ КАРТИНАХ МИРА РУССКОГО И БРИТАНСКОГО НАРОДОВ

Анализируется представление лица в пословичных картинах русского и британского народов, выявляются языковые, когнитивные и лингвокультурные закономерности вербализации лица. Основу исследования составляют единицы пословичных фондов двух языков, анализируемые в их сопоставлении. Существующие сходства в номинации лица в пословичных картинах мира русского и британского народов говорят о стереотипности и универсальности формирования их когнитивных культурных представлений. Обнаруживающие себя различия в когнитивных и лингвокультурных представлениях, а также конкретных системных возможностях языков ведут к этноспецифике наименования лица. Анализ средств репрезентации лица в обоих пословичных фондах подтверждает стремление пословиц к одновременной внеконтекстной обобщенности и полифункциональности. Как следствие, совокупность средств вербализации лица в пословичных картинах мира двух народов позволяет описать любого представителя нации как некое абстрактное максимально обобщенное лицо относительно конвенциально закрепленной аксиологической системы координат.

Ключевые слова: пословица, представление лица, универсальность, этноспецифика, обобщенность

Вербализация семантики лица в пословичной картине мира любого народа детерминируется как системно-языковыми возможностями, так и когнитивными, конвенциально закрепленными лингвокультурными представлениями. Рассмотрение комплекса средств репрезентации лица в пословичных картинах мира русского и британского народов предполагает обращение к нескольким исследовательским парадигмам, в том числе коммуникативно-функциональной, когнитивной, лингвокультурной. Интеграция данных парадигм позволяет выявить средства вербализации лица, проанализировать когнитивные основы их выбора и функционирования, обнаружить универсальность и этноспецифику наименований, обосновать отдельные дифференциальные признаки пословицы (обобщенность, полифункциональность).

Материалом для анализа в данной статье выступают русские и британские пословицы, выбранные из словарей В. И. Даля «Пословицы русского народа» [3], [4], [5] и R. Fergusson, J. Law «Dictionary of proverbs» [8]. Первичный подсчет проводился на материале указанных словарей. Для соблюдения адекватности и релевантности материала были избраны по 100 страниц текста, из которых методом сплошной выборки извлечено 2117 русских и 2120 британских пословиц.

Актуальными для данного исследования оказываются труды отечественных и зарубежных исследователей (Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, В. Г. Колшанского, Н. Ф. Алефиренко, В. В. Красных, Г. Фрэгэ, Р. Карнапа, Ч. Пирса), в которых рассмотрение семантики лица про-

исходит с позиций его референциальных и номинативных возможностей, лингвокультурных особенностей и возможной универсальности.

Учитывая мнение В. Г. Колшанского, полагающего, что картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира [7; 15], можно заключить, что пословичная картина мира – это вторичная знаковая (матричная) система для отображения существующей картины мира в сознании как отдельного индивидуума, так и нации в целом. Единицы данной системы обладают ярко выраженной аксиологической и дидактической направленностью, являясь маркерами ситуации, то есть знаками ситуации. Они маркируют типичные ситуации, представляя собой обособленные, четко структурированные формулы, входящие в пословичную картину мира, единицы которой закрепляются в еще одной базирующейся на ней системе – пословичном фонде.

Наличие облигаторных признаков аксиологичности и дидактическости закономерно определяет набор способов и средств вербализации семантики лица, который применительно к пословичным картинам мира и пословичным фондам нуждается в уточнении. В этой связи принципиально значимым оказывается когнитивное и языковое представление лица в русских и английских пословичных картинах мира.

При выделении и описании средств репрезентации лица мы опираемся на лингвистические теории номинации и референции, основные положения которых строятся с учетом семантики средств репрезентации лица, а также логики

и прагматики сообщаемого. В целом комплекс средств репрезентации лица в пословичных картинах мира обоих народов обнаруживает значительное сходство: личные и неличные существительные, личные формы глаголов, субстантивированные прилагательные, местоимения, числительные. Наличие дублирующих средств свидетельствует об универсальности когнитивной и языковой баз народов, а возможные различия составляют специфику представления лица в каждой из пословичных картин мира: «языки не только удивительным образом отличаются друг от друга – они удивительным образом похожи» [6; 44].

Универсальным средством репрезентации лица в пословичных картинах мира русского и британского народов выступают личные и неличные существительные в личном значении. Следует отметить, что состав указанных лексико-грамматических разрядов в русском и английском языках (следовательно, и в лингвокультурах, а также в языковых картинах мира) различен, что детерминируется и различиями в системе языков, в том числе грамматическими. Однако уточнение статуса личных существительных, а также имен собственных в пословичных картинах мира русской и британской лингвокультур возможно, поскольку система каждого из языков включает сходные лексико-грамматические разряды, обладает системно закрепленными грамматическими категориями лица. Вместе с тем грамматическая категория лица в русском и английском языках представлена различным набором форм, для которых значимым параметром является динамика средств репрезентации этой категории. Так, в современном английском языке, как известно, не представлена специализированная форма местоимения 2 л. ед. ч. *thou* и обратного местоимения *thyself*. *Thou shalt love thy neighbor as thyself* [8; 251].

Функционально и семантически с личными существительными в обоих языках сближаются имена собственные. Вместе с тем личные существительные по своему значению, словообразовательным характеристикам и грамматическим особенностям могут быть выделены в отдельный класс, внутри которого происходит дальнейшее деление единиц по наличествующему признаку (национальная принадлежность, профессия и т. д.).

Кроме того, имена собственные и личные существительные в пословичных картинах мира обоих языков проходят различные этапы обобщения и конкретизации, что также позволяет рассматривать имена собственные на периферии данного класса. Например, имя собственное изначально обобщается, затем происходит его метафоризация и дальнейшее применение к конкретному адресату. Личные существительные обобщаются, не подвергаясь процессу метафоризации, применяются к конкретному адресату.

Среди имен собственных, репрезентирующих в пословичных картинах мира обоих народов семантику лица, обнаруживаются прецедентные и непрецедентные имена. Непрецедентные имена, несмотря на прямое наименование лица, вне контекстного употребления характеризуются отсутствием конкретной референтной отнесенности, что составляет универсальность их использования и объясняется стремлением к внеконтекстной обобщенности и полифункциональности лица в пословице: *Нашему Петру скотина не ко двору* [3; 102]; *Little Jock gets the little dish, and it holds him aye long little* [8; 212]. Полагаем, что данные признаки пословичных картин мира стремятся к универсальности.

Этноспецифику использования непрецедентных имен в пословичной картине мира русского народа составляет их регулярность (2,97 %), разнообразие, а также широкие словообразовательные возможности при образовании диминутивных форм: *Горькому Кузеньке и горькая песенка* [3; 103]; *Дома Илья, а в людях свинья* [5; 64]. Прецедентные имена составляют 0,17 %.

Для британских пословиц разнообразие непрецедентных личных имен (0,61 %) и использование их диминутивных форм не характерно, в то время как стремление британской лингвокультуры кдержанности и бесконфликтности выражается в обращении к прецедентным именам (0,92 %) при обозначении лица: *Henry the Eighth pulled down monks and their cells, Henry the Ninth should pull down bishops and their bells* [8; 224]. При использовании прецедентных имен также сохраняется стремление к внеконтекстной обобщенности и формальной референтности адресата: «Прецедентные имена в пословицах... только на первый взгляд характеризуются конкретной референтной отнесенностью... Использующееся в пословице прецедентное имя – формальный адресат, который может обозначать любое лицо и по своей семантике оказывается обобщенным» [1; 27].

Личные существительные в обеих пословичных картинах мира также выступают средством вербализации семантики лица. Их деление на группы осуществляется по признаку тематического единства (национальность, профессия, социальная принадлежность, родство и т. д.) и позволяет обнаружить определенную универсальность и специфичность пословичных картин мира двух народов: *Муж любит жену богатую, а теиду торопятую* [4; 106], *A fair wife and a frontier castle breed quarrels* [8; 19]; *The Italians are wise before they deed, the Germans in the deed, the French after the deed* [8; 202]; *Что русскому хорошо, то немцу смерть* [3; 381].

Для группы личных существительных, обозначающих родство, универсальна регулярность терминов прямого и близкого родства (для русской пословичной картины мира – 5,92 %, британской – 4,63 %), что объясняется давностью существования наименований и частотностью

бытовых ситуаций, где они используются. Этноспецифику данной группы составляют системноязыковые словообразовательные возможности формирования комплексной семантики номинативности, экспрессивности и оценочности, а также различия в стереотипных представлениях.

Национальную специфику использования личных существительных, обозначающих профессии, составляют различия в качественном и количественном соотношении наименований. В пословичной картине мира британского народа насчитывается 4,98 % данных единиц, русского народа – 2,34 %. Вместе с тем нельзя согласиться с мнением об абсолютной неразвитости профессиональных отношений в России: *Портной без кафтана, сапожник без сапог, а плотник без дверей* [4; 425]. На материале пословичного фонда русского языка используется ограниченное число номинаций по профессии, преимущественно связанных с характерными для русской культуры видами занятий. Однако, если учитывать разнообразные трансформы пословиц, которые представлены в речи, а следовательно, и в пословичной картине мира, можно отметить увеличение такого числа единиц. Для определения динамики пословичной картины мира необходимо исследование значительного числа подобных единиц, в том числе методом ассоциативного эксперимента и опроса информантов в различных сферах коммуникации. Такие единицы не обладают признаком закрепленности в пословичном фонде.

Личные существительные других тематических групп составляют на материале русского языка 8,16 %, английского – 14,02 %.

Неличные существительные, подвергающиеся процессу метафоризации, в пословицах обоих народов выступают одним из частых средств презентации лица и могут быть сгруппированы в соответствующие тематические группы (наименования домашней утвари и предметов хозяйства, частей тела, животных, растений и т. д.): *Рука согрешил, а голова в ответе* [4; 14]; *If the dog is not at home, he barks not* [8; 1]; *A good face is a letter of recommendation* [8; 17]. Многие тематические группы характеризуются универсальностью, за которой стоит универсальность когнитивных представлений и языковых наименований.

В самых общих чертах универсальность презентации лица зооморфной метафорой в пословицах обоих языков проявляется «в наличии зооморфных культурных кодов, стремлении к обобщенному анималистическому наименованию... Специфика же затрагивает употребление, внутреннюю форму, конкретность и индивидуальность наименований-реалий, отличия в об разной, символной, оценочной и стереотипной составляющих» [2; 108]: *Овцу стригут, баран дрожит* [3; 411]; *A bird in the hand is worth in the bush* [8; 192].

Варьирование единиц в тематических группах детерминируется системноязыковыми параметрами и экстралингвистическими факторами, а также принятыми нормами коммуникативного поведения и наименования лица. Речь идет о способности системноязыковых характеристик отражать механизмы когнитивного и лингвокультурного представления денотата, обнаруживая взаимозависимость системных возможностей и лингвокультурных, когнитивных представлений.

Выделенные тематические группы не могут рассматриваться как закрытая система и не являются закрытыми, так как нередко имеют зоны пересечения, что обуславливает варьирующуюся количество тематических групп и их качественное наполнение. В целом количество тематических групп и единиц, которые они включают, отражает когнитивные представления и тесно связано с этапами культурного, исторического и социального развития нации, которые в совокупности определяют регулярность использования одних единиц и возможное отсутствие других. Соотношение немличных существительных, потенциально способных презентировать семантику лица, в пословичной картине мира русского народа составляет 25,91 % к 21,97 % в британской.

Как средство презентации семантики лица в обеих пословичных картинах мира также фигурируют собирательные существительные и существительные со значением множественности, которые, по нашему мнению, справедливо рассматривать в двух группах.

Первую группу составляют собирательные существительные (*родня, детвора, дворянство, kindred* и т. д.), не употребляющиеся во множественном числе, не сочетающиеся с количественными числительными, не согласующиеся с глаголами во множественном числе и крайне редкие в обеих пословичных картинах мира: *Артель атаманом крепка* [3; 476]; *Shame in kindred cannot be avoided* [8; 221].

Вторая группа представлена единицами со значением совокупности по грамматическому признаку, которые нередко рассматриваются как разновидность собирательных существительных, способных согласовываться с глаголами множественного числа и иметь форму множественного числа (*family – families, folk – folks, flock – flocks, народ – народы, племя – племена, стадо – стада* и т. д.).

В пословицах обоих языков группа собирательных существительных со значением совокупности по грамматическому признаку используется достаточно часто, как правило, с глаголами в единственном числе: *Семья воюет, а один горюет* [5; 272]; *Родных нет, а по родимой сторонушке сердце ноет* [4; 12]; *Every family has a skeleton in his cupboard* [8; 221]; *Many kinsfolk, new friends* [8; 220]. Важным аспектом семантики собирательных существительных

и существительных со значением собирательности по грамматическому признаку является их обобщенность, стоящая за семантикой собирательности и множественности. В количественном соотношении данные существительные составляют в пословичной картине мира русского народа 3,04 %, британского – 1,15 %.

Отдельную группу составляют личные и неличные существительные, максимально экспрессивно и эмотивно репрезентирующие лицо в пословичной картине мира русского народа: *Дурак головою вертит, умный смирно сидит* [3; 76]; *Худая харя зеркала не любит* [3; 380]. Данные существительные обозначают лица мужского и женского рода без возрастных ограничений и стоят на грани употребления в русском литературном языке в силу ярко выраженной негативной аксиологической маркированности. Этноспецифика данной группы заключается в ее представленности только в пословичной картине мира русского народа (0,95 %), а также в разнообразии аксиологически негативно маркированных существительных, способных объединять не только номинативные, экспрессивные, оценочные, но и эмотивные компоненты значения (*глупец, дурак, осталоп, тупой, рыло, рожа, харя, злыдень* и др.).

Одним из регулярных средств репрезентации лица в пословичных картинах мира обоих народов выступают различные разряды местоимений. Учитывая, что местоимение выполняет роль вторичной номинации и употребляется как заместитель имени, его включение в пословицу позволяет соблюдать основные принципы построения пословичного изречения (обобщенность и полифункциональность). Вместе с тем система личных местоимений имеет свои особенности вербализации. Например, главенствующая роль личных местоимений при обозначении лица обнаруживается прежде всего на примере британских пословиц (11,95 %), на материале русского языка личные местоимения не столь регулярны (6,06 %).

К универсальности репрезентации лица личным местоимением относится использование в пословицах местоимений 1-го л. ед./мн. ч.: *Бредень бредни бредет, а мы языком щелкаем* [3; 388]. *Ты в стороне, а я в грехе* [3; 342]; *By doing nothing we learn to do ill* [8; 41]. Существенно, что использование местоимений 1-го л. ед./мн. ч. характерно, в первую очередь, для пословичной картины мира русского народа (2,60 %), нежели британского (1,23 %).

Специфику использования местоимений 2-го л. ед. ч. в русских и 2 л. ед./ мн. ч. в британских пословицах составляет крайне редкое их функционирование в русских пословицах (1,73 %) по сравнению с частым их использованием в британских (5,36 %): *You must creep before you leap* [8; 320]; *You made your bed, now lie in it* [8; 331]. Речь в данном случае идет о структурных особен-

ностях построения английского предложения, требующего заполнения позиции субъекта.

Для русского языка не характерно стремление к облигаторной формальной экспликации субъекта, что обуславливает регулярность использования в пословичном фонде русского языка предложений с формой глагола 2-го л. ед. ч. императивного, изъявительного наклонений, с формой глагола 3-го л. мн. ч. изъявительного наклонения, в которых семантика лица передается формами глагола-предиката (31,06 %): *Носи платье, не складывай, терпи горе, не сказывай!* [3; 268]; *Спорь до слез, а об заклад не бейся!* [3; 399]; *На чужой роток не накинешь платок* [4; 205], *Не уча в попы не ставят* [5; 221].

Использование личных местоимений 3-го л. ед./мн. ч. имеет свои особенности, к числу которых относится их нерегулярность на материале русского языка (1,73 %) по сравнению с английским языком (5,36 %): *Он быть не бьет, только страсть дает* [3; 414]; *Мы притасали, а они пришли да взяли* [3; 308]; *He has wisdom at will, that with an angry heart can hold him still* [8; 8].

Указательные и притяжательные местоимения как средство репрезентации лица крайне редко встречаются (0,61 %) и характеризуют пословичную картину мира русского народа: *Не та счастлива, которая у отца, а та счастлива, которая у мужа* [5; 229]; *Наши не пляшут, да и ваши не скачут* [4; 34].

Отрицательные местоимения, имеющие обобщающе-отрицательную семантику, также выступают одним из средств репрезентации лица в пословичных картинах мира обоих народов (*никто, ничто, none, nobody*): *Жаловался всем, да никто не слушает* [3; 361]; *None but brave deserves the fair* [8; 230]. На материале русского языка они составляют 0,52 %, в британских пословицах – 0,92 %.

Возвратные местоимения также встречаются для репрезентации семантики лица в пословичных картинах мира русского (0,43 %) и британского (0,84 %) народов: *Себя изведу, а тебя дойму* [5; 51]; *He is not fit to command others, that cannot command himself* [8; 14].

Определительные местоимения имеют либо обобщающий (*весь, всякий, каждый, everybody, everyone, each, all*), либо выделительный характер (*сам, самый, иной, любой, другой, another, other*) и регулярно используются в пословичной картине мира русского (1,69 %) и британского (1,38 %) народов: *Всяк хочет взять, да никто не хочет дать* [3; 362]; *Сам признался, сам на себя и петлю надел* [3; 398]; *All is fish that comes to his net* [8; 28]; *Everybody to his own opinion* [8; 131].

Специфику репрезентации семантики лица в пословичных картинах мира обоих народов составляет отсутствие неопределенных местоимений в пословицах русского языка и их наличие в британских пословицах (1,69 %). Отсутствие или незначительное количество примеров по-

словиц с неопределенными местоимениями в составе свидетельствует о том, что пословицы, нацеленные на регламентацию поведения адресата, стремятся идентифицировать лицо в контексте, что противоречит семантике неопределенных местоимений, в которых лицо неизвестно или его идентификация не является необходимой: *Someone who is always thinking about happiness is a fool, a wise person thinks about death* [8; 219].

Вместе с тем по своему функционированию в пословицах данные местоимения сближаются с определительными, что позволяет говорить о двухэтапности данного процесса: на первом – неопределенное местоимение приобретает семантику обобщенности, что связано с обобщенностью пословицы, на втором – при конкретном употреблении приобретает оттенок выделительности.

Союзные слова в русских (2,60 %) и британских (7,36 %) пословицах также являются средством репрезентации семантики лица: *He that comes first to the hill, may sit where he will* [8; 145]; *Пой молебен тому святому, который милует* [4; 252].

В британской пословичной картине мира средствами, репрезентирующими семантику лица, могут выступать также формы глаголов-предикатов 3-го л. н. вр. изъявительного наклонения, имеющие окончание -s (-es), формы глагола *to be* в ед. ч., вспомогательный глагол *do* в форме 3-го л. ед. ч. с отрицанием, глагол *to have* в форме 3-го л. ед. ч.: *He that goes softly, goes safely* [8; 130]; *He is wise who looks ahead* [8; 102]; *Old age doesn't protect from folly* [8; 192]. Общее число примеров перечисленных единиц составляет 20,83 %.

В обеих пословичных картинах мира числительные как обозначения лица представлены различными разрядами. В пословицах русского языка регулярностью характеризуются порядковые числительные (0,17 %): *Первую дочь берут по отцу, матери, вторую по сестре* [5; 98] и собирательные числительные первого десятка, имеющие прочную лингвокультурную, фольклорную, символную и мифологическую традиции (0,17 %): *Двое пашут, а семеро руками машут* [4; 386]; *Семеро одну соломинку подымают* [4; 386].

Количественные числительные в пословичной картине мира русского и британского народов представлены в процентном соотношении 0,73 % к 0,77 %: *Сватались к девушке тридцать с одним, а быть ей с одним* [5; 232]; *Two in distress make sorrow less* [8; 216]. Специфику использования количественных числительных английского языка составляет то, что здесь невозможно однозначно говорить о реализации семантики количественности или собирательности из-за омонимии форм. Как следствие, семантика английских количественных числительных может трактоваться по-разному: либо семантика количественности реализуется полностью и не отнесается семантикой порядковости, либо коли-

чественные числительные проявляют семантику собирательности.

Субстантивированные прилагательные как средство репрезентации лица встречаются в русских и британских пословицах: *Завистливый своих двух глаз не пожалеет* [5; 51]; *If the blind lead the blind, both shall fall in to the ditch* [8; 162]. На основании выражаемой семантики они справедливо могут быть рассмотрены как репрезентанты тематических групп «черты характера», «социальное положение», «внешность», «возраст»: *The old believe everything, the middle-aged suspect everything, the young know everything* [8; 289]; *Poor and liberal, rich and covetous* [8; 212]; *Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились* [5; 17]; *Горбатого могила исправит* [3; 401]. Учитывая то, что единицы отдельных тематических групп («черты характера», «внешность») могут иметь явную аксиологическую маркированность, можно заключить, что в пословичных картинах мира двух народов разнообразием и регулярностью использования характеризуются субстантивированные прилагательные синкетической номинативной и оценочно-признаковой семантики.

Этноспецифику использования субстантивированных прилагательных русского языка составляет возможность репрезентации лица кратким субстантивированным прилагательным, что оказывается невозможным в английском языке в силу отсутствия таковых форм: *Стар да упрям, ни людям, ни нам* [3; 401].

Несмотря на отличия в формах репрезентации субстантивированных прилагательных, в количественном наполнении тематических групп, в преобладании субстантивированных прилагательных с семантикой экспрессивности и/или оценочности на материале русского языка возможность вербализации лица субстантивированным прилагательным в обеих пословичных картинах мира кроется в идентичности когнитивных процессов деривации и осмысления, на уровне которых происходят генерализация (обобщение) исходного знания и его конкретизация. Общее количество субстантивированных прилагательных в русской и британской пословичных картинах мира встречается в соотношении 6,50 % к 5,98 %.

Итак, комплекс средств репрезентации семантики лица в обеих пословичных картинах мира направлен на формирование и закрепление представлений о лице как производителе / непроизводителе конвенциально закрепленных нормами поведения действий. Учитывая тот факт, что единицы, репрезентирующие семантику лица в пословичных фондах двух языков, являются средствами репрезентации категории персональности, они также выступают конституентами ФСП персональности с соответствующими зонами ядра, периферии и т. д. В этом случае построение специализированного поля на

когнитивных основаниях опирается на предположение о том, что в пословичной картине мира каждого из народов представлена специфическая проекция ФСП персональности с перераспределением единиц по их отношению к ядру и периферии. При сохранении критериев, выделенных А. В. Бондарко, предполагаем, что ядро окажется бинарным и будет включать имена собственные и личные местоимения, в околоядерную зону войдут личные формы глаголов, личные местоимения и неличные существительные в личном значении, в ближнюю периферию – субстантивированные прилагательные и отдельные разряды местоимений, в дальнюю – числительные.

Сходство принципов, средств и способов номинации лица, выявленное в результате анализа пословичных фондов и пословичных картин мира двух народов, подтверждает теории стереотипности, универсальности формирования

наивных и культурных представлений в двух лингвокультурах. Вместе с тем существующие различия в когнитивных и лингвокультурных представлениях, а также конкретные системные возможности языков определяют этноспецифику выбора и функционирования как номинации лица, так и семантики лица в пословицах.

Совокупность средств репрезентации лица способствует представлению пословичных фондов двух языков как особых матричных систем, позволяющих описать любого представителя нации как некоторый абстрактный максимально обобщенный субъект относительно конвенциально закрепленной аксиологической системы координат. Анализ системно-языковых средств вербализации лица подтверждает выдвинутый тезис о стремлении пословиц к одновременной внеконтекстной обобщенности и полифункциональности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриченко Л. В. Антропонимы в русских и английских пословицах: экспрессивность и обобщенность семантики // Филология и культура. 2014. № 1 (35). С. 24–31.
2. Гриченко Л. В. Русские и английские пословицы с зооморфной метафорой: универсальность и этноспецифика оценочности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2013. № 1(114). С. 107–115.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 736 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. Т. 2. М.: Русская книга, 1993. 704 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1993. 734 с.
6. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. 720 с.
7. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 103 с.
8. Fergusson R., Law J. The Penguin Dictionary of proverbs. Kent, Penguin Books, Market house books, 2000. 366 p.

Grichenko L. V., Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

MEANS OF IDENTITY VERBALIZATION IN PROVERBIAL WORLD VIEWS OF RUSSIAN AND BRITISH PEOPLE

The article is concerned with the means of identity verbalization in proverbial world views of the Russian and British people. It identifies linguistic, cognitive, and linguo-cultural characteristic features of identity verbalization in both cultures. The basis of the research is presented by Russian and English proverbial units analyzed by means of comparison. The similarity in the ways of identity verbalization in Russian and British proverbial funds shows stereotyped and universal character of both cultural and cognitive representations. Some differences revealed in cognitive and linguo-cultural views as well as in specific features of the language system lead to ethnic specificity in identity verbalization. The analysis of identity representation in both proverbial funds confirms the proverbs' tendency to simultaneous context generalization and multifunctionality. As a result, the means of identity verbalization in both proverbial world views allow us to describe any representative of the nation as an abstract and a generalized person in reference to conventionally structured axiological system of coordinates.

Key words: proverb, person verbalization, versatility, ethnic specificity, generalization

REFERENCES

1. Grichenko L. V. Anthroponomy in Russian and English proverbs: expressive and generalized semantics [Antroponomiya v russkikh i angliyskikh poslovitsakh: ekspressivnost' i obobshchennost' semantiki]. *Filologiya i kultura*. 2014. № 1 (35). P. 24–31.
2. Grichenko L. V. Russian and English proverbs with zoomorphic metaphors: ethnical universality and specificity of their axiological semantics [Russkie i angliyskie poslovitsy s zoomorfnoy metaforoy: universal'nost' i etnospetsifika otsenochnosti]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Filologiya i iskusstvovedenie”*. 2013. № 1(114). P. 107–115.
3. Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: V 3 t.* [Proverbs of the Russian people: In 3 vol.]. Vol. 1. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993. 736 p.
4. Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: V 3 t.* [Proverbs of the Russian people: In 3 vol.]. Vol. 2. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993. 704 p.
5. Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: V 3 t.* [Proverbs of the Russian people: In 3 vol.]. Vol. 3. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993. 734 p.
6. Kibrik A. E. *Konstanty i peremennye yazyka* [Constants and variables of the language]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 720 p.
7. Kolshanskiy G. V. *Ob'ektivnaya kartina mira v poznaniii i yazyke* [Objective picture of the world in cognition and language]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 103 p.
8. Fergusson R., Law J. The Penguin Dictionary of proverbs. Kent, Penguin Books, Market house books, 2000. 366 p.

Поступила в редакцию 05.12.2014